

На душе у приказчика было несладко, но на лице его сияла угодливая улыбка:

— Прошу госпож пожаловать за мной.

Втроем они быстро миновали второй этаж, где на полках красовалось туалетное мыло и всевозможные ювелирные украшения, обогнули резной многоярусный шкаф из палисандра, уставленный разного рода антикварными безделушками, и оказались перед двусторонней ширмой с сучжоуской вышивкой «Сто птиц поклоняются фениксу». За ней скрывался еще один небольшой многоярусный шкаф — настоящий скрытый уголок, таящий в себе нечто особое!

Перед этим шкафом стояла высокая подставка, на которой покоился изящный флакон из цветного стекла. Внутри переливалась прозрачная светло-желтая жидкость. В углу подставки вызывающе роскошно лежала огромная ночная жемчужина; ее мягкое сияние падало на стеклянный флакон, делая его вид неописуемо прекрасным. Даже видавшие виды дамы удивленно округлили глаза, пораженные столь расточительным великолепием.

Подняв глаза, они уставились на шкаф позади подставки.

В каждой его ячейке стояло по маленькому прозрачному флакону с жидкостью внутри. Размером они были раз в пять меньше того, что высился рядом с ночной жемчужиной, однако выполнены столь искусно, что от одного лишь их вида перехватывало дыхание — так и хотелось взять в руки. Жидкость во флаконах по большей части отливала желтизной, хотя в некоторых она была настолько бледной, что казалась почти бесцветной.

Госпожа Ма, женщина искушенная, тут же уверенно произнесла:

— То, что на высокой подставке, — Хуанцзиньлюй, это я знаю. Но неужели в этих десятках маленьких флаконов на полках тоже Хуанцзиньлюй?

Приказчик почтительно улыбнулся:

— Госпожа невероятно проницательна. На полках действительно стоит Хуанцзиньлюй, однако наш хозяин лично изменил его рецептуру, придав новый оттенок. Возможно, досточтимые дамы не знают, но Хуанцзиньлюй, который продается здесь, в шэнцзинском Павильоне Хуатанцю, не сыскать ни в управе Цзиньлин, ни в управе Гусу! Наш шэнцзинский Хуанцзиньлюй делится на три разряда: низший, высший и драгоценный.

Затем приказчик подробно объяснил разницу между тремя разрядами и добавил:

— В Цзяннани продают только низший и высший Хуанцзиньлюй, драгоценный же можно найти исключительно в Шэнцзине!

Услышав это, дамы одобрительно переглянулись и согласно закивали.

Заметив их реакцию, приказчик продолжил:

— А то, что стоит на этом шкафу, и вовсе нечто из ряда вон выходящее. Драгоценный Хуанцзиньлюй создается путем смешивания лепестков различных цветов для получения неповторимых ароматов. Наш Павильон Хуатанцю пошел дальше и усовершенствовал этот способ. Во флакончиках позади меня налиты эссенции высшего разряда, каждая из которых обладает ароматом лишь одного цветка. Однако вы можете купить их и смешать по своему вкусу!

Госпожа Ма удивилась:

— Хочешь сказать, мы можем сами составить драгоценный Хуанцзиньлюй?

— Именно так! — закивал приказчик. — Сочетая разные ароматы, вы получите уникальные благовония. Разве могут такие благородные гости, как вы, пахнуть так же, как все остальные?

Эти слова пришлись дамам по душе, их глаза заблестели. Четверть часа спустя они покинули Павильон Хуатанцю, унося с собой множество маленьких фарфоровых флакончиков, и на лицах их сияли довольные улыбки.

Продав еще около сотни флаконов Хуанцзиньлюй, приказчик так и светился от гордости. Проводив знатных гостей до дверей, он все же не удержался от любопытства: «И как только управляющий догадался, что эти дамы каждый раз будут скупать флаконы со всеми ароматами без остатка?»

И действительно, именно эту уловку придумал Тан Шэнь в Шэнцзине: эфирные масла своими руками!

Качество эфирного масла, полученного столь простым кустарным способом, конечно, уступало современным аналогам из будущего, зато и предосторожностей требовалось гораздо меньше. В худшем случае смесь разных масел могла пахнуть неприятно, но никакого вреда здоровью она не несла. Стекланные флаконы стоили баснословно дорого, поэтому использовались только для демонстрационных образцов в лавке. Знатные дамы и барышни покупали эфирное масло в бутылочках из белого фарфора.

Уникальность — вот перед каким искушением не могли устоять богатые семьи Шэнцзина.

Они повидали немало диковин, и сколько бы ни стоил Хуанцзиньлюй, как бы его ни рекламировали, выдавая чуть ли не за драгоценные алмазы, у них всегда водились деньги на покупку, и траты их не волновали. Но возможность составить собственный, неповторимый аромат Хуанцзиньлюй своими руками — против этого они устоять не могли. Тан Шэнь даже предполагал, что через полгода в девичьих покоях Шэнцзина начнется повальное увлечение: барышни станут соревноваться, кто искуснее смешает Хуанцзиньлюй!

Тан Шэнь поделился этой задумкой с Управляющим Сином. Тот пришел в восторг от гениальной идеи и тут же придумал отличный ход. Разве мог обычный приказчик сам додуматься до столь вкрадчивых речей? Всему этому его научил старший управляющий Син! Лстить шэнцзинским дамам, принижать жительниц Цзяннани и твердить, что этот Хуанцзиньлюй — единственный в своем роде во всей Великой Сун и есть только в Шэнцзине... Ну какая светская львица устоит перед этим?

Подобный маркетинговый ход принес баснословную прибыль. Когда Тан Шэнь узнал об этом, он лишь ошеломленно покачал головой и усмехнулся: «Оказывается, черный пиар и провинциальные предрассудки существовали во все времена и всегда работали безотказно!» Немного подумав, он добавил про себя: «Какое бесстыдство!»

Впрочем, дамы из Цзяннани все равно ни о чем не знали. Тан Шэнь решил, что в следующем году начнет продавать драгоценный Хуанцзиньлюй в управах Цзиньлин и Гусу, также позволив покупательницам смешивать ароматы самостоятельно.

Хозяйственное и туалетное мыло, а также Хуанцзиньлюй расходились в Шэнцзине на ура. Тан Шэнь и Помесье княжества Цзин гребли золото лопатой.

К августу жара спала, и сменившие ее прохладные дни помогли новоиспеченным цзиньши одного с Тан Шэнем выпуска окончательно обосноваться в Шэнцзине. Тройка лучших выпускников первого разряда несла службу в Академии Ханьлинь. Тан Шэнь уже давно сблизился с Яо Шанем и Ван Сяо. Половина цзиньши второго разряда тоже избежала назначения в провинции и осталась в столице. В конце августа по инициативе Ван Сяо выпускники устроили встречу в Тереме Цяньли.

В небе сияла луна, на улицах зажигались первые фонари.

В отдельном кабинете на втором этаже Терема Цяньли более двадцати новоиспеченных цзиньши подняли кубки с вином.

Ван Сяо с улыбкой провозгласил:

— Уважаемые коллеги, пью за вас! Сегодня не разойдемся, пока не захмелеем!

Все дружно подхватили:

— За Ван Цюаня! Не разойдемся, пока не захмелеем!

Собравшиеся разделились на два стола. Они ели, пили и слагали стихи — истинно возвышенная встреча одаренных мужей.

Однако стоило им изрядно приложиться к чаркам, как утонченные ученые превратились в банальных пьяниц. Стихи были позабыты, и посыпались пьяные бредни. Кто-то сетовал на придирки начальства и непосильный объем ежедневной работы. Кто-то со слезами на глазах жаловался на нищенское жалованье, на которое невозможно прокормить семью из восьми человек. Они-то наивно полагали, что, получив степень цзиньши, вознесутся над простыми смертными, но оказалось, что честному чиновнику суждено лишь перебиваться с хлеба на воду!

У каждого нашлись свои горести. Тан Шэнь был самым младшим, поэтому наливали ему меньше всех. Он оставался почти трезвым и вскоре подсел к Мэй Шэнцзэ за соседний стол. Тот тоже отличался крепкой головой и лишь слегка захмелел. Завидев Тан Шэня, Мэй Шэнцзэ покраснел глазами и, бросившись ему на шею, взвыл:

— Цзинцзэ, как же мне тяжело!

Тан Шэнь никогда еще не видел Мэй Шэнцзэ в таком состоянии. Ему безумно хотелось расхохотаться, но он сдержался и с напускным сочувствием спросил:

— Брат Шэнцзэ, что стряслось?

Мэй Шэнцзэ, всхлипывая, произнес:

— После экзамена на чин меня распределили в Приказ общественных работ. Ты ведь знаешь об этом?

Тан Шэнь добродушно поддразнил его:

— Разумеется, знаю. Разве ты не служишь помощником начальника водного департамента в Приказе общественных работ? При прошлой династии эта должность соответствовала пятому чиновничьему рангу. И пусть при нашей это всего лишь шестой ранг, но господин Мэй, вы ведь

окончили экзамен во втором разряде и уже дослужились до шестого ранга! Это выше моего положения. Мне пора величать вас старшим наставником.

Мэй Шэнцзэ ткнул в него пальцем:

— Да ты... ты... ты...

— Что я?

Мэй Шэнцзэ утер слезы:

— Ну и ну, Тан Цзинцзэ! Не хочу больше с тобой разговаривать. Мне и так тошно! Я ведь хрупкий книжник, десять лет провел за усердной учебой у холодного окна, чтобы посвятить жизнь служению императору. И после этого они отправляют меня в Приказ общественных работ! Зачем я им там? Сейчас наш департамент ведает реконструкцией Пруда Тайе. Я же в этом смысле не больше слепца, блуждающего впотьмах! А начальник департамента требует, чтобы я каждый день отправлялся с ним во дворец на осмотр Пруда Тайе. Да у меня, мелкой сошки шестого ранга, при каждом входе в императорский дворец поджилки трясутся! Этот Пруд Тайе для меня — просто большая лужа, что я вообще в нем понимаю?!

Тан Шэнь задумался и спросил:

— А ты хотел бы, как я, изо дня в день торчать в Академии Ханьлинь, до боли в запястьях переписывая Четверокнижие, без малейшего просвета и надежды на скорые перемены?

Глаза Мэй Шэнцзэ вспыхнули надеждой:

— Очень!

Тан Шэнь лишь молча покачал головой:

— ...

И вздохнул:

— Эх, если бы мы могли поменяться местами!

Мэй Шэнцзэ недоуменно уставился на него.

Мэй Шэнцзэ завидовал тому, что Тан Шэнь редактирует Четверокнижие. В его представлении это было великим делом, способным войти в историю и прославить имя в веках. Однако Тан Шэнь предпочел бы проводить осмотры на Пруд Тайе, нежели чахнуть в четырех стенах за переписыванием и составлением книг. Но самое главное...

Взгляд Тан Шэня помрачнел.

Самое главное — это возможность ежедневно бывать в императорском дворце!

Мэй Шэнцзэ дрожал от страха, поскольку во дворец неизбежно сталкивался с вельможами, а порой даже с самим государем. Но ведь это был великолепный шанс! Тан Шэнь мысленно сокрушался: «Ты бежишь от такой редкой возможности, а мне бы она ох как пригодилась! Я-то всю голову сломал, как бы показаться на глаза императору!»

В девятом месяце Академия Ханьлинь наконец завершила длившуюся целый год работу над

редакцией трактата «Чжун юн», и Ученый Ли лично поместил готовый труд в книгохранилище.

Все облегченно вздохнули, однако не успели они отдохнуть и пары дней, как сверху поступил новый указ.

Написать поздравительную молитву к дню рождения императора!

<http://bllate.org/book/18292/1754526>